

На правах рукописи

Игумен Вассиан (Бирагов Валерий Сергеевич)

**БОГОСЛОВСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ПАСХИ
ВО II–V ВЕКАХ**

Специальность: патрология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата богословия

Сергиев Посад 2019

Работа выполнена на кафедре Богословия Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Московская духовная академия Русской Православной Церкви»

Научный руководитель: [Сидоров А. И., доктор церковной истории, профессор, Московская духовная академия]
Игумен Адриан (Пашин), кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, доцент, Московская духовная академия

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита состоится на заседании диссертационного совета №1 Московской духовной академии по адресу: 141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра. Малый актовЫй зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московской духовной академии по адресу: 141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра.

Автореферат разослан «_____» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета №1 МДА

М. В. Ковшов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность настоящего исследования обусловлена теоретической и практической необходимостью углубленного изучения церковного наследия, в котором Пасха является одной из центральных тем. Однако, несмотря на интерес к пасхальной проблематике, Пасха, в совокупности ее аспектов, на наш взгляд, мало исследована в современной богословской и научной литературе. Зачастую Пасху отождествляют с ежегодным праздником, совершаемым в память Воскресения Христова. Но праздник – это только один из аспектов Пасхи, смысл и суть которой сужается ее отождествлением с праздником Воскресения Христова. Так, Иоанн Златоуст, исходя из слов ап. Павла *Пасха наша за ны пожрен бысть Христос* (1Кор. 5,7), указывал на другой аспект Пасхи. Он отмечал, что Пасха христианская есть «приношение и жертва», и она совершается всякий раз, когда мы на литургии приобщаемся Христовых Таинств с чистой совестью. В связи с этим, представляется насущным обращение к церковному наследию с целью выявления других аспектов Пасхи, четкого их разграничения и изучения их взаимосвязи.

Процесс богословского осмысления христианской Пасхи (II–V вв.) по времени совпал с первыми Вселенскими соборами, с развитием догматического учения Церкви, с Триадологическими и Христологическими спорами и является в той или иной степени их отражением. Однако представляет интерес исследование и обратного влияния: как на этом учении и спорах сказалось осмысление христианской Пасхи. Ведь на Никейском соборе пасхальному вопросу было уделено внимание не меньшее, чем спору с арианской ересью.

Становление церковного самосознания, определение отношения христианства к язычеству и иудаизму явилось предпосылкой к тому, что в рассматриваемый период богословское осмысление христианской Пасхи было сосредоточено на решении принципиально важного вопроса о степени «сродства» новозаветной и ветхозаветной Пасхи. Как решался этот вопрос, представляет интерес не только в связи с исследованием развития христианского учения о Богодухновенности всего Священного Писания, но и в связи с выявлением причин возникновения пасхальных споров и поиска путей их преодоления. Для современной церковной практики актуально то, что в творчестве св. отцов II–V вв., стремление сохранить единство Церкви и единомыслие в ней было определяющим при решении пасхальных споров. Однако это единство достигалось, прежде всего, не простыми уступками, а через богословское осмысление проблемы, поиск и отстаивание истины. Ценность такого опыта в разрешении церковных разногласий становится особенно очевидной в наши дни, когда возникают расколы из-за принятия нового (или сохранения старого) стиля. Эта проблема, возможно, как никакая другая, требует богословского осмысления. Тема сакральности времени

Пасхи, ее осмысление в свете единства Церкви Христовой (небесной и земной), проблема соотношения временного и вечного в православной пасхалии заслуживают самого пристального внимания богословов и ученых разных специальностей.

Степень разработанности проблемы

В диссертации Пасха рассматривается в трех аспектах: *Пасха – жертва; Пасха – священное событие; Пасха – праздник*. Эти аспекты были четко обозначены и исследовались в синтезе в святоотеческой традиции II–V вв. Наиболее ярко это проявилось в творчестве свт. Григория Богослова, Григория Нисского, Кирилла Александрийского. В последующие века, главным образом начиная с прп. Иоанна Дамаскина, аспекты Пасхи стали рассматриваться отдельно. Были развиты догматические формулировки о Воскресении Иисуса Христа, о всеобщем Воскресении мертвых, учения о Спасении и о роли Таинства Евхаристии в деле нашего Спасения. Отечественное богословие сохранило и развило эту традицию. Весомый вклад в развитие соответствующих учений внесли митр. Макарий (Булгаков), сщмч. Александр (Туберовский), патриарх Сергей (Страгородский), проф. Н.Н. Глубоковский, проф. А.И. Георгиевский, проф. Н.Д. Успенский, прот. Петр (Гнедич). Однако фактически эти темы стали существовать самостоятельно от Пасхи, а Пасха упоминается преимущественно в праздничном аспекте. Такой односторонний подход привел к искажению первоначального смысла христианской Пасхи, ее связи с Пасхой ветхозаветной, что сказалось в первую очередь на непонимании православной пасхалии. На это в конце XIX в. обратили внимание проф. В. В. Болотов и сщмч. Димитрий (Лебедев). Рассматривая пасхальные споры в Древней Церкви, они пришли к выводу, что вопрос о времени празднования Пасхи имеет богословский характер и определяется различными воззрениями на степень связи ветхозаветной и новозаветной Пасхи. Достаточно много зарубежных исследователей, к примеру, П. Нотэн, О. Геро, М. Ришар, Э. Катанео, К. Герлах, Ж. Даниелу, изучало воззрения на Пасху в трудах древних церковных писателей; они подробно анализировали значение, придаваемое ветхозаветной Пасхе в Древней Церкви. Однако при этом, на наш взгляд, им не удалось раскрыть смысл связи христианской Пасхи с ветхозаветной, т.е. их «сродство». Они рассматривают обе Пасхи лишь в исторической последовательности, типологической связи, не учитывая при этом то, что в святоотеческом наследии отражено единство Церкви Христовой, небесной и земной, в которой в живом общении пребывают и ветхозаветные праведники, и верные христиане (Ин. 8, 56).

Цель данной работы – исследовать процесс богословского осмысления во II–V вв. христианской Пасхи и выяснить степень ее «сродства» с ветхозаветной Пасхой.

Задачи, поставленные для достижения цели:

1. Рассмотреть причины пасхальных споров и выявить их богословский смысл.

2. Выделить и охарактеризовать в богословской литературы II–V вв. основные аспекты христианской Пасхи, осмыслить их взаимосвязь.
3. Определить основные направления и особенности осмысления христианской Пасхи во II–V вв.
4. Провести сравнительный анализ воззрений богословских школ рассматриваемого периода на взаимосвязь различных аспектов ветхозаветной и новозаветной Пасхи. И на основе полученных результатов выяснить позиции этих школ в вопросе о степени «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи.

Объектом исследования являются богословские труды о Пасхе (II–V вв.).

Предметом исследования является процесс формирования православного воззрения на христианскую Пасху.

Основные методы исследования определены исходя из комплексного подхода к изложению материала. Так, с помощью методов богословского анализа и синтеза, описательно-аналитического и системного подходов в работе выявлены воззрения церковных авторов на христианскую Пасху во II–V вв. Сравнительный метод позволил сопоставить эти воззрения между собой, а исторический – выявил причины и богословский характер пасхальных споров рассматриваемого периода.

Хронологические рамки исследования определены в теме диссертации и совпадают с временными границами, в пределах которых происходили основные пасхальные споры в Древней Церкви. Для удобства изложения материала рассматриваемый период разбит на две части. Первая часть (II – III вв.) относится к Доникийскому периоду, а вторая (IV – V вв.) – к Золотому веку святоотеческой письменности.

Научная новизна исследования состоит в выявлении на основании изучения богословских трудов II–V вв. принципиальной многоаспектности Пасхи (жертва, священное событие, праздник), а также в решении вопроса о степени «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи, на основе исследования взаимосвязи их соответствующих аспектов.

Степень достоверности результатов проведенных исследований обеспечивается анализом первоисточников и научно-исследовательской литературы по теме на русском и иностранных языках, а также использованием общенаучных принципов и методов исследования.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Во II–V вв. основной мотивацией богословского осмысления христианской Пасхи явилось стремление отмежеваться от иудейской пасхальной практики и желание исследовать степень связи новозаветной и ветхозаветной Пасхи.
2. Причина пасхальных споров рассматриваемого периода, носивших в основном богословский характер, – расхождение в воззрениях на христианскую Пасху.
3. Богословское осмысление христианской Пасхи во II–V вв. в основном было сконцентрировано на решении вопроса о степени «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи.

4. Пасхальная тематика в творениях церковных писателей II–V вв. раскрывается через богословское осмысление основных аспектов Пасхи – жертва, священное событие и праздник.
5. В Доникийский период (II–III вв.) богословское осмысление христианской Пасхи и ее аспектов осуществлялось в трех основных направлениях – обсуждение значения слова «пасха»; определение дня праздника христианской Пасхи; решение вопроса о пасхальном характере Тайной вечери.
6. В Доникийский период у представителей разных Церквей имелись существенные расхождения в воззрениях на христианскую Пасху и на ее связь с Пасхой ветхозаветной.
7. В Золотом век святоотеческой письменности (IV–V вв.) представители Александрийской, Каппадокийской, Антиохийской богословских школ осмысливают христианскую Пасху с позиций признания «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи.
8. Позиция Римской Церкви в этот период относительно степени «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи была внутренне противоречивой.
9. Александрийская пасхалия, лежащая в основе православной пасхалии, как метод расчета дня праздника Пасхи, соответствует библейским нормам определения времени Пасхи.

Теоретическая значимость результатов исследования

В работе представлен системный взгляд на развитие православного учения о христианской Пасхе. Разработан метод исследования позиций древних богословских школ по вопросу степени «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи. В основе метода – выделение и сопоставление аспектов ветхозаветной и новозаветной Пасхи.

Работа имеет значение для патрологической науки, догматического богословия и истории Церкви.

Практическая значимость результатов исследования

Результаты диссертационного исследования могут найти применение при подготовке учебных курсов по патрологии, истории Церкви и при написании пособия по изъяснению православной пасхалии.

Структура диссертации и логика работы определяются целью и подчинены решению выделенных задач исследования. Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, библиографический список источников и использованной литературы (всего 171 наименование). Объем диссертации 214 стр. Данное построение позволяет в полной мере проследить хронологию и логику исследуемого явления.

Апробация основных результатов исследования проходила на ежегодных студенческих научных конференциях МДА (май 2016, 2017, 2018 гг.), и на международной научной конференции по прикладной математике «Динамика, бифуркации и странные аттракторы. Применение теории

динамических систем к математическим моделям в науке и технике» (г. Нижний Новгород, 20-24 июля 2015 г.) был представлен доклад на тему: «Инварианты православной пасхалии» (соавтор Л. М. Кузнецова).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность и научная новизна исследования. Определены объект, предмет, методы, цель и задачи работы, сформулированы положения, выносимые на защиту. Представлены степень разработанности темы и апробация результатов, обозначены практическая и теоретическая значимость результатов диссертационного исследования.

В первой главе «Пасхальная проблематика в святоотеческих трудах и научных исследованиях: обзор источников и литературы» дан обзор святоотеческой литературы и научных исследований по основным вопросам, рассматриваемым в диссертации.

В § 1.1 изложена концепция отбора источников, затронута проблема их аутентичности. Основные принципы отбора источников, используемые в диссертации: тематический, хронологический и патрологический. Последний представлен в работах Н. И. Сагарды, С. Л. Епифановича, А. И. Сидорова. Проблема аутентичности источников обусловлена их богословским содержанием; источники с научно обоснованной недостоверностью авторства рассматриваются с традиционно усвояемым им в церковной науке авторством.

В § 1.2 рассмотрены мнения древних церковных писателей и современных исследователей о происхождении и значении слова «пасха», а также обозначены и раскрыты основные аспекты Пасхи: священное событие, жертва и праздник. Анализ значения слова «пасха» у древних авторов служил отправной точкой для богословского осмысления Пасхи. Наиболее ранняя точка зрения, принадлежащая Филону Александрийскому, дает толкование слову «пасха» как «жертва за успех перехода» (*τα διαβατήρια*). Иосиф Флавий придерживается точки зрения: «пасха» – «переход» (*ὑπερβασία*), от еврейского глагола «пасах». Французские авторы О. Геро и П. Нотэн доказывают, что Ориген определял слово «пасха» от слова «переход» (*διάβασις*). «Пасху» как «переход» рассматривали, к примеру, сщмч. Петр Александрийский, свт. Афанасий Великий, Кирилл Александрийский, Иоанн Златоуст, Лев Великий, блаж. Иероним Стридонский, блаж. Августин, блаж. Феодорит Кирский. В новозаветные времена среди христианских церковных авторов утвердилось еще одно значение слова «пасха» – «страдание» (от греческого глагола *πασχῶ*). Такое толкование, основанное на созвучии слов «пасха» и «*πασχῶ*», служило, скорее всего, уразумению различия между христианской и иудейской пасхой и подчеркивало значение Крестных страданий Спасителя. Его придерживались свт. Мелитон Сардийский, сщмч. Ириней Лионский,

сщмч. Ипполит Римский, Тертуллиан, Лактанций свт. Амвросий Медиоланский. В трудах святителя Григория Богослова отражены оба толкования слова «пасха» – и «переход», и «страдание». Более поздние авторы, включая современных (к примеру, А. Байе, свящ. Иоанн Покровский, Н. В. Глубоковский, Э. Катанео и О. Моссхаммер), также исследуют вопрос об этимологии и семантике слова «пасха». Их интересует, с одной стороны, значение, приписываемое этому слову древними писателями, а с другой – особенности семантики слова «пасха» в новых языках. Во второй части параграфа внимание сконцентрировано на том, как в древнецерковных источниках формировался, а в научной литературе освещен православный взгляд на аспекты Пасхи (жертва, священное событие, праздник). Эти аспекты сопутствуют понятию «пасха» от самого первого упоминания о ней в Священном Писании (Исх. 12). В Ветхом Завете именем «пасха» называли агнца – *жертву*, которую по Закону Моисея древние евреи закалали и вкушали в праздник (Исх. 12). В Новом Завете Пасха – Христос, Агнец Истинный, закланный за нас (Ин. 1, 29). В Таинстве Евхаристии христиане вкушают Его Плоть и Кровь. Аспект *Пасха – священное событие* выражает сотериологическое значение центральных событий обоих Заветов. Спасение еврейских первенцев от смерти и всего народа израильского из рабства египетского явилось прообразом спасения мира от владычества смерти и от рабства дьяволу, дарованного нам Воскресением Господа нашего Иисуса Христа. *Праздничный* аспект определяется тем, что словом «пасха» именуется и ветхозаветный, и новозаветный праздники, чем утверждается их единство. На связь христианской Пасхи с первым днем Творения мира и с Пасхой будущего века указывают церковные авторы, начиная с III в. (к примеру, Ориген, свт. Дионисий Великий, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Кирилл Александрийский). Эту тему развивают и современные авторы (в частности, архиеп. Иоанн (Шаховской), прот. А. Шмеман).

В § 1.3 рассмотрено, как в святоотеческой и научно-богословской литературе отражены проблемы «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи, и пасхального характера Тайной вечери. Связь ветхозаветной и новозаветной Пасхи наиболее полно раскрывается в трудах свт. Мелитона Сардийского, Афанасия Великого, Кирилла Александрийского, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Льва Великого. Это отмечали, к примеру, сщмч. Александр Глаголев, проф. А.И. Сидоров, И. Панагопулос, Ж. Даниелу, Б. Грин, П. Эвье. На существенное различие в осмыслении степени связи ветхозаветной и новозаветной Пасхи у древних церковных писателей впервые внимание обратил В. В. Болотов. Вопрос о пасхальном характере Тайной вечери возник еще во II в. (спор между Малоазийской и Римской Церквами). Исследованием истории этого вопроса занимался, в частности, прот. А. В. Горский. Он показал, что мнение о пасхальном характере Тайной вечери утвердилось в Церкви после подробного разъяснения свт. Иоанна Златоуста. Установление Д. Хвольсоном даты

Тайной вечера Господа нашего Иисуса Христа, как возможной даты ветхозаветной Пасхи (в месяцах и числах ветхозаветного лунного календаря), направлено на богословское обоснование связи времени празднования ветхозаветной и новозаветной Пасхи. Подобное согласование необходимо, поскольку его отсутствие давало ложный повод «редактировать» Евангелие. Труды Н.Д. Успенского развивают научную традицию осмысления Тайной вечера как пасхальной. Он, в частности, устанавливает, с какими элементами Пасхальной вечера была соединена совершенная Господом Иисусом Христом Евхаристия. Автор показывает на многих примерах из Ветхого и Нового Заветов, что в словах Господа на Тайной вечера «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк.22, 19), слово «воспоминание» означает большее, чем воспроизведение в памяти минувшего, но «воспроизведение ими (апостолами – иг. В.) в дальнейшем сущности происшедшего на Тайной вечера». Раскрытию пасхального характера Тайной вечера посвящены также работы Г. Глигорова, свящ. Михаила Желтова, Ф. Манна.

В § 1.4 обозначен ряд важных пасхальных тем, в частности, о богословском характере вопроса о времени праздника Пасхи, и о едином дне празднования Пасхи как об отражении единства Церкви. Богословский характер вопроса о времени праздника Пасхи до сих пор является дискуссионным. Большой интерес у исследователей вызывает эпоха, наступившая после Никейского собора, в связи с пасхальными спорами и способами их преодоления. Однако эти споры, как правило, рассматриваются с точки зрения различий в построениях лунных пасхальных циклов, вне связи с богословским осмыслением Пасхи (Б. Круш, Э. Шварц, В. Грюмель, О. Моссхаммер). К тому же не учитывается тот факт, что в VI в. Римская Церковь, хотя и ввела в пасхальную практику александрийский способ расчета дня праздника, но при этом не приняла воззрений александрийских архипастырей на христианскую Пасху. Это повлекло за собой распространение на Западе заблуждений относительно принципов построения александрийской пасхалии: якобы в ней главным является астрономический фактор. В. В. Болотов опроверг это утверждение, указав на то, что создатели александрийской пасхалии, исходя из признания «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи, руководствовались в первую очередь библейскими нормами определения времени Пасхи. Воззрения св. отцов на связь христианской Пасхи с первым днем Творения мира и с Пасхой будущего века оказали влияние на то, что к VI в. начинают оформляться так называемые пасхалистические эры от Сотворения мира. Русский хронолог Н. Степанов констатировал, что продление пасхальных циклов ко времени Творения мира было для создателей этих эр мировоззренческой необходимостью: христианская Пасха должна была провидеться и в Ветхозаветной Церкви. Большинство церковных писателей II–V вв. видели в едином дне празднования Пасхи отражение единства Церкви. Такую позицию еще во II в. отстаивали представители Римской Церкви во главе с епископом Виктором, осуждавшие малоазийскую

пасхальную практику (сторонники последней – Поликрат, епископ Ефесский, свт. Мелитон Сардийский). К единству церковному в праздновании главного христианского праздника призывали св. равноап. Константин Великий, свт. Иоанн Златоуст и свт. Лев Великий. Анализ источников показал, что единство в пасхальном вопросе достигается прежде всего богословским осмыслением проблемы, желанием вникнуть в ее суть, пытаясь при этом найти истину.

Во второй главе «Богословское осмысление христианской Пасхи в Доникийский период (II–III вв.)» выявлены позиции церковных писателей Малоазийской, Римской и Александрийской Церковью в решении вопроса о степени «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи.

В § 2.1 даны характеристики рассматриваемого периода и разобран вопрос о факте празднования Пасхи во II в. Христианство в Доникийский период противопоставило внешнему окружению (римской государственности, иудейской традиции и греческой философии) новую жизнь, основанную на вере в Воскресение Христова и пасхальной радости будущего бессмертия. Христианство, «как новая жизнь во Христе», характеризуется в Учении 12 апостолов (известном как Дидахе), в трудах сщмч. Игнатия Богоносца, сщмч. Поликарпа Смирнского, мч. Иустина философа. Однако иудеи и язычники, не только физически, но и внутренне, пытались повлиять на нарождавшееся христианство. Первые подталкивали христиан к буквальному исполнению предписаний Закона Моисея, и, в частности, к исполнению иудейской пасхальной практики. Язычники, в лице гностиков, понуждали христиан к отрицанию Богодухновенности Ветхого Завета, и соответственно всех ветхозаветных предписаний. В связи с этим Церковь, с одной стороны, стремилась отмежеваться и от иудейского понимания Ветхого Завета, и от пренебрежительного отношения к нему язычников. А с другой, христиане, осмысливая себя новым Израилем и духовными наследниками Авраама и ветхозаветных праведников, испытывали необходимость истолковать Ветхий Завет, а значит и ветхозаветную Пасху, в свете исполнившихся пророчеств о Пришествии Спасителя и о Его Воскресении. Некоторые современные западные исследователи (О. Геро, П. Нотэн, М. Ришар) утверждают, что христианская Пасха получила рождение лишь во II столетии, так как до середины II в. якобы отсутствуют прямые исторические свидетельства ее празднования. Несмотря на это, есть все основания утверждать (на основе фактов из новозаветных книг Священного Писания, евхаристических глав Дидахе, свидетельств мч. Иустина философа и их анализа в работах В.В. Болотова), что в рассматриваемый период Церковь справляла праздник Пасхи.

В § 2.2 рассмотрены пасхальные споры Доникийского периода. В решении вопроса о степени «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи мнения церковных писателей расходились. Основными можно считать

следующие воззрения: Пасха – Богоучрежденный ветхозаветный праздник, лишь осмысленный в духе христианского богочитания (Александрийская Церковь) и Пасха – самостоятельный новозаветный праздник (Римская Церковь). Этот спор велся в трех основных направлениях: обсуждение значения слова «пасха»; решение вопроса о пасхальном характере Тайной вечери; определение дня праздника христианской Пасхи. В вопросе о значении слова «пасха» древние церковные писатели не были единодушны. Так, представители Малоазийской и Римской Церквей (свт. Мелитон Сардийский, сщмч. Иринея Лионский, Тертуллиан, Лактанций, сщмч. Ипполит Римский) выдвигали на первый план Крестные страдания Спасителя, истолковывая слово «пасха» как «страдание». Представители же Александрийской Церкви, начиная с Оригена, переводят слово «пасха» – «переход». В решении вопроса о пасхальном характере Тайной вечери Господней в церковной литературе Римской и Александрийской Церквей вначале преобладало мнение его отрицающее (Климент Александрийский, Аполлинарий, еп. Иерапольский, сщмч. Ипполит Римский). Малоазийцы же, среди которых были св. Поликрат Ефесский, св. Мелитон Сардийский, наоборот, положительно решали этот вопрос. Лишь со времени Оригена у церковных писателей, прежде всего у александрийцев, чаще утверждается мысль, что Господь на Тайной вечери вкушал с учениками законную пасху. Одновременность двух событий, вкушение законной пасхи и учреждение Безкровной Жертвы, есть доказательство того, что, именно на Тайной вечери Господь Иисус Христос утвердил «сродство» ветхозаветной и новозаветной Пасхи. Споры о времени проведения праздника Пасхи в Доникийский период в основном касались выбора дня недели для праздника Пасхи. Наиболее важный спор возник между Малоазийской и Римской Церквами в конце II в. (представителями этих Церквей в споре выступали соответственно св. Поликрат, епископ Ефесский, и Виктор, епископ Римский). Суть спора состояла в том, что Пасха малоазийских христиан, как и Пасха иудеев, приходилась всегда на 14 нисана, вне зависимости от того, на какой день недели падало данное число по еврейскому лунному календарю. В Риме и во всех других Церквах Пасху справляли только в воскресенье. В. В. Болотов вскрывает истинную причину спора, выявляет его богословский смысл: малоазийские христиане совершали в Пасху «таинство страдания», а христиане всех других Церквей – «таинство Воскресения Господня».

В § 2.3 рассмотрено осмысление христианской Пасхи в трудах представителей Малоазийской (свт. Мелитона Сардийского), Римской (сщмч. Иринея Лионского, сщмч. Ипполита Римского) и Александрийской (Оригена, свт. Дионисия Великого, сщмч. Петра Александрийского) Церквей. В результате исследования их творчества выявляются наиболее характерные для указанных Церквей особенности воззрений на христианскую Пасху. Практики празднования Пасхи (Малоазийской, Александрийской и Римской Церквами) были Христоцентричны: неотъемлемой частью пасхального богослужения было принесение Безкровной Жертвы в Таинстве Святой Евхаристии, предваряемое молитвенным воспоминанием событий последних

дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, Его спасительной Крестной Жертвы и Воскресения. В решении вопроса о степени связи ветхозаветной и новозаветной Пасхи позиции малоазийских и римских христиан оказались внутренне противоречивыми. Малоазийская Церковь, признавая пасхальный характер Тайной вечери, считая, что 14 нисана Христос вкушал законную пасху, а пострадал лишь 15, тем не менее, совершала в Пасху «Таинство страдания». Римская Церковь, наоборот, как и другие Церкви, праздновала Пасху только в воскресный день, но при этом само слово «пасха» понималось ею как «страдание», что не раскрывало в полной мере духовного смысла «Таинства Воскресения Господня». Кроме того, большая часть западных церковных писателей Доникийского периода не признавала пасхальный характер Тайной вечери, считала, что Господь не вкушал на ней законную пасху, тем самым отделяя новозаветную Пасху от ветхозаветной, что и нашло отражение в римской пасхалии. В результате, вместо «сродства» христианской и ветхозаветной Пасхи, получилось их противопоставление. Только Александрийские богословы были последовательны в своих воззрениях. Они, определяя слово «пасха» – «переход», считали Пасху единым праздником Ветхого и Нового Заветов, истолковывая ветхозаветные пасхальные установления в свете евангельских событий. Благодаря их учению, в Церкви постепенно стало утверждаться признание совершения Спасителем ветхозаветной Пасхи на Тайной вечери.

В третьей главе «Богословское осмысление христианской Пасхи в IV–V вв.» исследуется пасхальная тематика в творчестве представителей Александрийской, Каппадокийской, Западной и Антиохийской богословских школ.

В § 3.1 проанализированы пасхальные споры о времени празднования Пасхи в рассматриваемый период. В основном они велись в двух направлениях: определение границ пасхального воскресения и выбор пасхального месяца. По первому направлению спор вели Александрийская и Римская Церкви. Принципиальное различие в богословских воззрениях на христианскую Пасху сказалось в том, что александрийцы назначали пасхальное воскресение в те дни, когда ветхозаветные евреи справляли праздник опресноков, т.е. с 15 по 21 нисана. Западная же Церковь определяла границы пасхального воскресения с 16 по 22 нисана, исходя из последовательности новозаветных исторических событий: 14 нисана (в пятницу) Христос был распят, 15 нисана (в субботу) положен во гроб и утром 16 нисана (в воскресенье) воскрес. Из-за выбора пасхального месяца в период Никейского собора вели спор александрийцы с так называемыми протопасхитами – частью христиан Сирии, Киликии и Месопотамии, которые справляли Пасху в некоторые годы на месяц раньше, чем александрийцы. К середине IV в. разница в месяц выявилась и между пасхальными практиками Рима и Александрии. Техническая сторона вопроса определялась разностью в построении и смещенностью относительно друг друга лунных циклов.

Богословская сторона вопроса заключалась в том, что александрийцы при выборе циклического нисана руководствовались библейскими нормами пасхального месяца Авив – в котором в окрестности Иерусалима созревает ячмень. Об этом свидетельствуют сщмч. Петр Александрийский (его сщмч. Димитрий Лебедев считал создателем александрийской пасхалии), Феофил, архиеп. Александрийский, свт. Амвросий Медиоланский, наблюдения паломников на Св. Землю в XIX–XXI вв. и научные выводы из современной теории агроклиматологии. Циклический нисан протопасхитов не соответствовал библейскому «месяцу новых». Римляне же, игнорируя эти нормы, искусственно ввели для определения пасхального месяца неподвижный интервал в датах юлианского календаря.

В § 3.2 исследовано осмысление христианской Пасхи в трудах представителей Александрийской богословской школы – свт. Афанасия Великого, Феофила, архиепископа Александрийского, и свт. Кирилла Александрийского. Они, продолжая и развивая учение о христианской Пасхе своих предшественников Доникийского периода, исходили из признания Христоцентризма, «сродства» и христологической направленности ветхозаветной и новозаветной Пасхи. Наиболее полно пасхальная тематика раскрыта в творчестве свт. Кирилла Александрийского. Пасха – св. событие понимается как переход от смерти к жизни, как процесс нашего спасения в соработничестве Бога и человека. В нем участвуют все Лица Святой Троицы, но наше спасение, как исполнение того, что «было в предведении Отца с самого сложения мира», совершил Христос. Он воспринял человеческую природу для ее врачевания, открыл ей доступ к нетленности и подарил устойчивость против греха. Это, по мнению свт. Кирилла Александрийского, засвидетельствовано освобождением душ, находившихся во аде, и восстанием мертвых при Кресте Господа. После Воскресения Христа жизнь обновляется Святым Духом. Он, освящая нас, соделывает нас нетленными и подобными Христу, а через Него, «подобными Богу Отцу для утверждения нашего сыновства». Таинство Евхаристии, понимаемое как жертвенный аспект Пасхи, раскрывается через типологическое толкование деталей ветхозаветных пасхальных событий, в основном касающихся заклания и вкушения пасхального агнца. Свт. Кирилл Александрийский различает чувственное восприятие Таинства – вкушение Плоти и Крови Христа, и духовное – наше освящение во Христе, считая, что в будущем веке будет другой «некоторый мысленный образ освящения», отличный от Таинства Евхаристии, так как смерть и тление упразднятся. Необходимость единого дня празднования Пасхи для всей Церкви, ставшая очевидной после Первого Вселенского собора, во многом определила направление трудов представителей Александрийской богословской школы в IV–V вв. Свт. Афанасием Великим подчеркивается Богоустановленность праздника Пасхи еще в Ветхом Завете. Участие христиан в пасхальном торжестве, т.е. в праздничной литургии в Доме Господнем, рассматривается как священная обязанность. Богословские принципы построения

александрийской пасхалии наиболее полно раскрыты Феофилом Александрийским. Месяц «новых плодов», помимо указания конкретных временных рамок праздника Пасхи, являет собой один из лучших образов, раскрывающих тайну Воскресения.

В § 3.3 рассмотрено воззрение на христианскую Пасху представителей Каппадокийской богословской школы – свтт. Григория Богослова, Григория Нисского и Василия Великого. Они, как и александрийские богословы, исходят из признания Христоцентризма и «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи. Наше спасение также мыслится в соработничестве Бога и человека. Свтт. Григорий Богослов и Григорий Нисский увязывают пасхальную тему и освещение трех аспектов Пасхи с домостроительством Божиим, Творением мира и человека. В раскрытии этой связи вполне проявились Триадологические и Христологические воззрения, характерные для всего богословия «каппадокийского синтеза». Свт. Григорий Богослов видит цель Божиего домостроительства в обожении человека, которое достигается стремлением человека к Богу. Свт. Григорий Нисский богословски истолковывает смерть и воскресение нашего Господа. Они мыслятся как итог процессов, имеющих временное протяжение и названных святителем – «разделение» и «соединение» Человеческих Души и Тела, воспринятых Господом нашим Иисусом Христом. Рассуждая о причине и трехдневном сроке пребывания Господа во аде, святитель отмечает, что Истинная Премудрость посещает сердце земли для того, чтобы смертное было поглощено жизнью, а зло обратилось в ничтожество. Начало трехдневного срока пребывания Господа во аде положено Самим Спасителем на Тайной вечери. Время окончания пребывания Господа в сердце земли – вечер субботний, в час Воскресения. О неразрывной связи воскресного дня, первого при Творении мира, с Пасхой нынешнего века и с днем всеобщего Воскресения мертвых рассуждает свт. Василий Великий, однако тема Пасхи в его трудах подробно не освещается.

В § 3.4 исследовано осмысление христианской Пасхи представителями Западной богословской школы – свтт. Амвросием Медиоланским и Львом Великим, Папой Римским. Их осмысление христианской Пасхи глубоко Христоцентрично. Благодаря их трудам, в конце IV–V вв. сохранялось единство Вселенского православия. Ими была заложена основа в богословское осмысление христианской Пасхи для принятия Западной Церковью воззрения Восточной Церкви на Пасху и для одновременного празднования этого Святого дня всей Вселенской Церковью. В связи с пасхальными спорами о Пасхе (387 г.) свт. Амвросий Медиоланский богословски осмысливает время празднования Пасхи. Он отмечает сакральность этого дня: его избрал Сам Господь, когда совершал Пасху. В выборе дня Святой Пасхи не должен действовать человеческий произвол: все попытки искать нормы определения времени Пасхи вне единства Церкви, небесной и земной, не в Священном Писании и не в Божием Законе, неминуемо приведут к мудрованию по стихиям мира сего переходящего.

Для определения месяца «новых плодов» св. Амвросий рекомендует воспользоваться александрийским 19-летним лунным циклом, так как он соответствует библейским нормам времени Пасхи: в Египте в это время собирают урожай хлеба. Особое внимание уделено осмыслению принципа разделения дней Страстей и Воскресения Господа. Первый определен Законом как день поста – это время заклания Агнца. Воскресенье – день радости, дарованный Господом. У свт. Льва Великого раскрытие темы Страстей и Пасхи связано в основном с идеей Божия домостроительства (*dispensatio*) и с замыслом нашего спасения (*dispositio*), которое обретает цельность через единение двух природ во Христе – Божественной и Человеческой. Для соучастия человека в даре «обожения» и будущей славе «Сам Господь приготовил блаженный переход для Своих верных». Особенность творчества Льва Великого определяется заботой о сохранении единства истинной веры. По его мнению, через ее хранение достигается единство Церкви, благочестие и вечная жизнь. Стремление сохранить единство и мир в Церкви проявилось в полной мере в пасхальных спорах о дате Пасхи в 444 и 455 гг. Свт. Лев Великий принимает александрийские даты Пасхи, но прежде этого осмыслив сакральность времени Пасхи и убедившись в правильности расчета александрийцев. Однако общая тенденция, направленная на обособление Римской Церкви в пасхальной проблематике, так и не была полностью преодолена. В вопросе о «сродстве» ветхозаветной и новозаветной Пасхи позиция Римской Церкви оставалась, как и в Доникийский период, внутренне противоречивой. Не до конца последовательными оказались и воззрения на этот вопрос свт. Амвросия Медиоланского и Льва Великого: акцент в осмыслении Пасхи делался ими на Страсти Господни. Так, свт. Амвросий Медиоланский, вопреки мнению других богословов, считал, что слово «пасха» происходит от глагола «страдать». Лев Великий, хотя и признавал значение слова «пасха» – «переход», однако основная тема его пасхальных проповедей посвящена Страстям Господа, а в осмыслении праздничного аспекта Пасхи он, на наш взгляд, не смог до конца преодолеть стереотипы римского воззрения на Пасху как на самостоятельный праздник Воскресения Христова. Об этом свидетельствует тот факт, что в годы его епископства не был введен александрийский цикл в римскую пасхальную практику. Римляне лишь модифицировали свой лунный цикл, не затрагивая при этом основополагающих богословских принципов его построения.

В § 3.5 исследовано осмысление христианской Пасхи в трудах представителей Антиохийской богословской школы – свт. Иоанна Златоуста и блаж. Феодорита Кирского. Оба святителя исходят из признания «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи и их Христоцентризма. Свт. Иоанн Златоуст раскрывает пасхальную тему в связи с вопросом о единомыслии и единстве Церкви. Подробно рассматривая отношение христианства и иудаизма к Ветхому Завету, святитель отмечает, что иудеи исказили первоначальный смысл ветхозаветной Пасхи. Он указывает на основные отличия Пасхи христианской от пасхи иудейской: первая – небесная, а вторая – земная, так как иудеи отреклись от Христа. Пасха

понимается иудеями лишь в историческом плане, акцент делается на обрядовой стороне Закона. Таинство Христово раскрывается святителем через типологическое толкование деталей ветхозаветных пасхальных событий, в основном касающихся заклания и вкушения пасхального агнца. Жертвоприношением ветхозаветного агнца, через которое действовало Таинство Христово, был отвращен гнев Ангела-истребителя, а Жертвой Истинной вся вселенная избавляется от пленения дьяволом. Пасха христианская есть «приношение и жертва». Она совершается всякий раз, когда на литургии мы приобщаемся к Христовым Таинствам с чистой совестью. Именно от этого, а не от соблюдения времени, зависит достойное причащение. Однако из этих слов святителя не следует, что он вообще отвергает значение единого дня Пасхи для всей Церкви. Он отмечает его важность, подчеркивает сакральность этого дня, как отражения единства Христовой Церкви. Его рассуждения о времени Пасхи не противоречивы, но антиномичны: в первом случае речь идет о жертвенном аспекте Пасхи, во втором – о праздничном. Блаж. Феодорит Кирский исследует происхождение слова «пасха». Он понимает его как «переход», указывая при этом и другие переводы. Блаж. Феодорит отмечает и новозаветный смысл ветхозаветного таинства помазания кровью агнца, предзнаменующего принятие Тела и Крови Христовых. Причем этот смысл заключается не в запрещении, а в освящении раздражительной и вождевательной сил души и разума человека. Представители Антиохийской Церкви пришли к выводам, согласованным с Александрийской богословской школой по основным вопросам пасхальной тематики, несмотря на то, что исходили из различных предпосылок для их решения: важности богословского осмысления христианской Пасхи для правильного определения дня ее празднования на основе библейских принципов (предпосылка Александрийской богословской школы); и необходимости хранения единства Церкви и единомыслия в ней (принципиальное положение богословов Антиохийской школы).

В заключении сформулированы основные выводы и результаты проведенного диссертационного исследования. Установлено, что во II–V вв. основной мотивацией богословского осмысления христианской Пасхи явилось стремление отмежеваться от иудейской пасхальной практики и желание исследовать степень связи новозаветной и ветхозаветной Пасхи.

В **Доникейский период** (II–III вв.) у представителей Малоазийской, Александрийской и Римской Церквей имелись существенные расхождения в воззрениях на христианскую Пасху и на ее связь с Пасхой ветхозаветной. Так, Малоазийские христиане справляли христианизированную ветхозаветную Пасху, точно следуя иудейским вычислениям времени Пасхи. Римляне считали Пасху самостоятельным праздником Воскресения Христова, независимым от ветхозаветной Пасхи. Александрийцы же определили христианскую Пасху как «Богоучрежденный ветхозаветный праздник, лишь осмысленный в новозаветном духе». Уже в церковной литературе этого

периода обозначены три аспекта Пасхи (священное событие, жертва и праздник). Однако более полно и всесторонне они были богословски осмыслены лишь в IV–V вв.

В **Золотой век святоотеческой письменности** (IV–V вв.) большой интерес к пасхальной тематике был вызван как необходимостью решения вопроса о едином дне празднования Пасхи для всей Церкви, поднятого на Первом Вселенском соборе, так и стремлением к раскрытию христологических и эсхатологических истин. Главная особенность этого периода заключается в том, что осмысление Пасхи проходило в условиях признания большинством богословских школ «сродства» ветхозаветной и новозаветной Пасхи. Для этой эпохи характерно, с одной стороны, углубленное изучение и Христоцентрическое понимание ветхозаветных пасхальных установлений и всех событий Исхода израильского народа из Египта в свете новозаветных истин. А с другой – стремление к познанию Личности Господа Иисуса Христа, Его Божественной и Человеческой природы, к постижению Таинств Христовых и замысла Божиего домостроительства через раскрытие ветхозаветных образов и событий. Богословское осмысление христианской Пасхи в IV–V вв. исследовано на примере Александрийской, Каппадокийской, Западной и Антиохийской богословских школ. Во многих суждениях св. отцы были согласны друг с другом. Именно этот *consensus patrum* свидетельствует о том, что в Церкви к концу V в. в основном завершился процесс богословского осмысления христианской Пасхи. При этом каждая из школ внесла свой неоценимый вклад. Итоги осмысления каждого из трех аспектов христианской Пасхи целесообразно рассматривать не разделяя, но сводя воедино результаты, полученные каждой школой. Пасха Господня, понимаемая как *священное событие*, трактуется св. отцами как прехождение или как переход от смерти к жизни, от земли на небеса. В Ветхом Завете этот переход рассматривается и как свершившийся факт временной победы жизни над смертью, явленной в спасении еврейских первенцев (Исх. 13, 1–2), и как процесс перехода в Землю обетованную. При этом отмечается бессилие Ветхого Закона обуздать могущество смерти, причина которой – отпадение человека от Бога и его рабство греху и дьяволу. В Новом Завете переход от смерти к жизни рассматривается также двояко: и как свершившийся факт и как процесс. Переход Господа нашего Иисуса Христа от Крестной смерти к Воскресению понимается как свершившийся факт, но уже всецелостной победы жизни над смертью. А совершаемый нами переход от земли в небесный Иерусалим рассматривается как процесс, в котором осуществляется Божий замысел о Творении мира и человека (как существа, здесь приурочиваемого и переселяемого в иной мир) – его обожение. Переход от смерти к жизни мыслится в соработничестве Бога и человека. В факте Воскресения Христова св. отцы отмечают две самые главные истины: обожение Его человеческого естества, силой обитающего в Нем и соединившегося с Ним Божества и

открытие доступа человеческой природе к нетленности, устойчивости против греха для делания добра и подавления страстей. Воскресение Христово понимается как начало Творения нового мира и нового человека, *от Бога родишася* (Ин. 1, 13). Наш переход от смерти к жизни определяется как переход от Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, первенца из мертвых, ко всеобщему Воскресению мертвых, вера в которое, так же, как и участие в Таинстве Евхаристии, должна преобразить нас нравственно и является необходимым условием нашего спасения. Деятельное участие человека в своем спасении мыслится как стремление человека к Богу через добровольную покорность Ему и готовность совершить «переход» от смерти к жизни, «от жизни мирской к боголюбезному житию». Все ветхозаветные пасхальные установления имеют прообразовательный и аскетико-богословский смысл как руководства к совершенствованию жизни христианина, к выработке готовности воли следовать туда, куда укажет Господь. *Жертвенный* аспект Пасхи глубоко Христоцентричен. Св. отцы исходят из того, что *начало всего есть Христос* (Кол. 1, 18), о Котором «вопийл закон». Домостроительство нашего спасения обретает цельность через единение двух природ во Христе: в деле нашего спасения действует как Его «человеческая немощь, так и божественная сила». Божественность пребывает неотделимо в страданиях Господа нашего Иисуса Христа, а Его человеческое естество совечно во славе Божественности. Христологические истины и Образ Христа, как Человека, познаются через совершенство Его ветхозаветного прообраза – пасхального агнца, который совершен, без порока, смирен и кроток. При этом сами ветхозаветные жертвы освящаются тем, что через них действует Таинство Христово, и что они явились прообразом «незакалаемой Жертвы». В пасхальной теме *праздничному* аспекту Пасхи уделено особое внимание. Основная идея пасхального торжества – победа Спасителя над грехом, проклятием и смертью. Это праздник перехода от нашего осуждения к нашему оправданию. Мысль о том, что христианская Пасха есть Богоучрежденный ветхозаветный праздник, лишь осмысленный в новозаветном духе, и что великий день Воскресения является, в свою очередь, предзнаменованием «будущего века» четко высказана Афанасием Великим и проходит, как центральная, через все его пасхальные послания: «И как в то время ежегодно творилось воспоминание о прообразе спасения, точно то, же совершается и днесь». Как в свое время в Ветхом Завете (Исх. 12, 43), так и на Тайной вечери, Господь Иисус Христос устанавливает критерий принадлежности к Церкви – участие верных в пасхальной трапезе. Это условие объединяет и ветхозаветных праведников и христиан в единую Церковь Христову. Христос освящает всякое время, от начала и до конца. Праздник Пасхи – образ начала и в то же время кончины мира. Пасхальное торжество будущего века мыслится как торжество, в честь завершения нашего перехода в жизнь вечную. Время Пасхи сакрально и день праздника должен быть единым для

всей Церкви Христовой. Божественным замыслом определено, чтобы время Страстей Господних совпало со временем ветхозаветной Пасхи, а Воскресение Господа – совершилось тогда, *когда пришел час, чтобы Иисус перешел от этого мира к Отцу* (Ин. 13, 1). Божиим устройением следует считать не только еженедельное празднование Дня Господня, но и ежегодное выделение среди воскресных дней одного, в качестве пасхального. В определении дня Пасхи истину следует искать в Священном Писании и в Церковном единстве. Все другие попытки определить время Пасхи неминуемо приведут к «мудрованию по стихиям мира сего приходящего», что и нашло подтверждение в пасхальных спорах.

Подводя итог богословского осмысления христианской Пасхи во II–V вв. и исследования степени ее «сродства» с ветхозаветной Пасхой по трем аспектам (священное событие, жертва и праздник), следует отметить, что все богословские школы признавали важность пасхальной темы и уделили ей должное внимание. Пасха, понимаемая как священное событие и как жертва, осмысливалась в Золотой век святоотеческой письменности (IV–V вв.) с позиций «сродства» Ветхого и Нового Завета. Однако позиция Западной Церкви оказалась внутренне противоречивой, особенно при рассмотрении праздничного аспекта Пасхи. В Восточной же Церкви, к концу V в., воззрение александрийцев на христианскую Пасху получило всеобщее признание. Александрийская пасхалия как метод расчета дня праздника, соответствующий библейским нормам, легла в основу православной пасхалии, в которой «сродство» ветхозаветной и новозаветной Пасхи закреплено единой системой летосчисления – Византийской эрой от Сотворения мира.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде восьми публикаций (общий объем 7,9 авт. л.) в следующих изданиях:

1. *Вассиан (Бирагов), игум.; Кузнецова Л. М.* Александрийский цикл и православная пасхалия: временное и вечное // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал: в 4 т. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2014. Т. 1 (66). С. 109–129.
2. *Вассиан (Бирагов), игум.; Кузнецова Л. М.* Александрийский цикл и православная пасхалия // Труды Нижегородской духовной семинарии: Сборник работ преподавателей и студентов. Нижний Новгород, 2014. Вып. 12. С. 175–202.
3. *Вассиан (Бирагов), игум.; Кузнецова Л. М.* Вечность и неизменность библейских норм Святой Пасхи. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/print/4733283.html>.

4. *Вассиан (Бирагов), игум.* Богословское осмысление христианской Пасхи святителем Мелитоном Сардийским в его сочинении «О Пасхе». [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/4886664.html>.
5. *Вассиан (Бирагов), игум.* Пролог Феофила Александрийского: основные аспекты рассмотрения Святой Пасхи. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/5319381.html>.
6. *Вассиан (Бирагов), игум.* Пасхальная тема в проповедях святителя Григория Богослова // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 10–18.
7. *Вассиан (Бирагов), игум.* Свт. Амвросий Медиоланский о Пасхе в послании «...епископам, поставленным в Эмилии» // Христианское чтение. 2019. №3. С. 10–17.
8. *Вассиан (Бирагов), игум.* Богословское осмысление христианской Пасхи в Доникийский период // Христианское чтение. 2019. № 6. С. 25–35.